

Э. Э. Шульц

Стереотипные образы Великой Отечественной войны: расстрелянный командный состав РККА

Проблема современного восприятия образов Великой Отечественной войны имеет множество граней и безусловную актуальность как для общественной мысли, так и для науки¹. Одним из главных стереотипов о Великой Отечественной войне, запущенным в середине 1950-х и являющимся, пожалуй, самым живучим и влиятельным как на общественную мысль, так и на научные поиски и рассуждения, стала идея о проблемах РККА в первые годы войны в связи с уничтоженным командным составом армии.

Как справедливо отмечено в историографии, в 1960–1980-е гг. преобладала оценка репрессий в РККА как катастрофы, ставшей едва ли не главной причиной страшных поражений 1941 г.² Однако ситуация в корне не изменилась и по сей день: позиция, что если бы не репрессии 1937–1939 гг., то не было бы самой войны и уж точно не было бы разгрома первых месяцев войны, по-прежнему остается доминирующей³. Результатом репрессий стал не только кадровый голод и падение его уровня, грубейшие просчеты советского командования, но и падение дисциплины, растущая безынициативность командиров, из-за чего войну удалось выиграть лишь большой кровью⁴.

Таким образом, проблема качества командного состава на 22 июня 1941 г. увязывается с репрессиями в РККА 1937–1939 гг., уничтожившим цвет армии, низким уровнем и небольшим опытом выросшего командного состава. Ключевой для нас вопрос: оказали ли влияние репрессии 1937–1939 гг. на снижение уровня командного состава РККА, что стало причиной поражений в первые

Шульц

Эдуард Эдуардович

канд. ист. наук,
доц., Московский
государственный
лингвистический
университет
(Москва, Россия)

месяцы войны. Решение данной проблемы, на наш взгляд, лежит в решении трех вопросов: 1) объемов потерь РККА в командном составе; 2) определении значимости данных потерь (методом аналогий и сравнительного анализа); 3) проверки положений на основании других источников.

Первая проблема — это репрессии в РККА⁵.

Получить сведения о количестве репрессированных в рядах РККА можно из семи специальных документов. Пять документов, подписанных начальником 6-го отдела УКНС РККА (Управление по командному и начальствующему составу) полковником Ширяевым:

1) Сводка уволенного комначсостава (без политсостава) в 1937 г. от 10 января 1939 г.⁶;

2) Сводка уволенного комначсостава (без политсостава) с 1.01 по 31.12.1938 г., от 10 января 1939 г.⁷;

3) Сводка уволенного комначсостава (без политсостава) с 1.01 по 31.12.1938 г., от 2 марта 1939 г.⁸;

4) Справка о числе уволенного комначсостава РККА в 1937, 1938 и 1939 гг. по 1 июня, от 5 июня 1939 г.⁹;

5) Справка о числе уволенного комначсостава РККА в 1937, 1938 и 1939 гг. по 1.06 по военным округам, от 8 июня 1939 г.¹⁰

Финальный и самый важный документ в этой серии — Справка о количестве уволенного командно-начальствующего и политического состава за 1935–1939 гг. (без ВВС) от 24–25 марта 1940 г., подписанная Е. А. Щаденко (заместитель народного комиссара обороны СССР, начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА, член Главного военного совета РККА) и направленная в ЦК ВКП(б)¹¹. Существует еще Сводная ведомость о комначсоставе, уволенном из рядов РККА в 1937, 1938 гг. по званиям от 4 марта 1939 г., подписанная начальником ОКНС 2 ОКА полковником Романенко и комиссаром ОКНС 2 ОКА батальонным комиссаром Цыпленковым¹². Данная ведомость явно носит неполный характер (возможно, в связи с задачами документа), однако эта сводка дает данные по политсоставу: 849 уволенных и 236 из них арестованных.

Мы имеем две сводки от 10 января 1939 г., которые представляют данные по уволенным представителям командного состава из рядов РККА по округам и по званиям за 1937 и за 1938 гг., причем без учета политсостава. Согласно этим документам, за 1937 г. уволено 17 865 чел., из которых арестовано 2318¹³, за 1938 г. уволено 16 082 чел., из которых арестовано 4945¹⁴. Итого за два года 33 947 уволенных, из которых 7263 было арестовано. В справке от 2 сентября¹⁵ эти цифры получили небольшую корректировку: всего уволено: 33 460 (на 487 меньше) уволенных и 7280 (на 17 больше) арестованных¹⁶.

Через три месяца в следующей справке количество уволенного командного состава из РККА (уже с учетом политсостава) составляет 38 352 чел. (на 5 тыс. в среднем выше, чем данные предыдущих справок) и появляются данные за 1939 г.: 847 чел. На 1 июня 1939 г.¹⁷ По данным этой справки, в 1937 г. было уволено 18 658, а в 1938 г. — 19 694 чел. Находятся и пояснения возникшей разнице: в общих цифрах присутствуют 5570 восстановленных на службу воен-

нослужащих¹⁸. Справка от 25 марта 1940 г. Е. А. Щаденко¹⁹ приводит за 1937 г. 18 658 уволенных чел., за 1938 г. — 16 362 уволенных чел. Однако за 1938 г. появляется новая графа — «уволены по директиве наркома обороны от 24.6.38 (поляки, немцы, латыши, литовцы, финны, эстонцы, корейцы и др.)» — и цифра 4138. Сумма этих граф — 20 500, т. е. на 806 чел. больше, чем в справке 1939 г.

Справки от 5 июня 1939 г. и от 25 марта 1940 г. являются основными документами, так как в них даются наиболее полные данные и причины увольнения, а также цифры по естественной убыли²⁰. Проанализируем данные из этих документов.

Эти два документа имеют расхождения в некоторых цифрах. Совпадают цифры по 1937 г.; за 1938 г. различаются цифры уволенных по политическим мотивам и количество арестованных. Количество уволенных командиров РККА «по политическим мотивам (исключены из ВКП(б), связь с заговорщиками)» в справке 1939 г. — 8341 чел., в справке Щаденко 1940 г. — 3580 чел., однако появляется дополнительная статья: «уволены по директиве наркома обороны от 24.6.38 (поляки, немцы, латыши, литовцы, финны, эстонцы, корейцы и др., уроженцы заграницы и связанные с ней», — по которой уволены 4138 чел. Сумма двух граф «по политическим» и «по директиве наркома» составляет 7718, т. е. на 623 чел. меньше, чем в справке 1939 г., где эти графы, видимо, были объединены. Количество арестованных за 1938 г.: 5426 чел. и 5032 (первая цифра по справке 1939 г., вторая — 1940 г.). Разница, скорее всего (судя по логике всей цепочки этих документов), формируется за счет вычитания отпущенных на свободу или ошибочно занесенных.

Итак, общее количество уволенных — 35 020 (по справке 1940 г.) или 38 352 (по справке 1939 г.). Естественная убыль (по возрасту, по болезни, из-за смерти) за 1937–1938 гг. составила 2882 чел., за алкоголизм, воровство и дисциплинарные нарушения за 1937–1938 гг. было уволено из рядов РККА 3756 командиров. За эти два года были уволены из рядов Красной армии по политическим причинам («исключены из ВКП(б), связь с заговорщиками») 19 445 (по справке 1939 г.) или 18 822 (по справке 1940 г.) командиров РККА, арестовано от 9506 до 9900 (разница между данными 1939 и 1940 гг.)²¹.

Таким образом, общая сумма репрессированных составляет от 28 328 до 29 345 чел. (при складывании минимальных и максимальных цифр по справкам 1939 и 1940 гг.). Отсюда необходимо вычесть тех, кто был оправдан и восстановлен в рядах РККА — 10 994 чел. (из уволенных в 1937 г. — 4661 чел.; из уволенных в 1938 г. — 6333 чел.²²; это более чем на 99 % по политическим статьям, о чем есть данные в справках), и мы получаем от 17 334 до 18 351, уволенных по политическим мотивам²³. Это то количество командиров, которое могло быть расстреляно. При этом следует указать, что мы всех арестованных причислили к «политическим» — это нигде не обозначено, но допускается логически, хотя какой-то процент (как и среди расстрелянных) может быть и за хищения, и за происшествия и аварии в частях. Исходя из этого можно заключить, что количество расстрелянных по репрессивным делам не может быть больше этих цифр.

Возможен вариант, что источник приводит неполные данные. Вариант неполноты в связи с искажениями данных из-за неточности при подсчетах,

приблизительности цифр в отчетности присутствует: авторы справок признают такой фактор, часть таких разночтений отразилось в статистике справок. Следует вообще подчеркнуть стремление составителей к постоянному уточнению цифр, причем как в сторону увеличения, так и в сторону снижения собственных же, ранее предоставленных цифр, что исключает намеренный характер искажений. Кроме того, в пользу достоверности сведений источника говорит и тот факт, что справки эти носили официальный характер, были сделаны по запросу руководства страны и армии в одном-двух экземплярах (т. е. исключительно для заказавшего лица, без широкой огласки). Смысла и возможности давать недостоверную информацию у составителей не было.

Составленная по справке от 2 марта 1939 г. сводная таблица по округам²⁴, используя приведенные цифры, демонстрирует, что точный подсчет по округам провести не получилось, и сумма цифр по округам меньше, чем общие цифры. Данное несоответствие составители справки объясняют несколькими факторами. Во-первых, уменьшение числа уволенных на 1333 чел.: восстановленные в РККА до 10 января 1939 г. 1333 уволенных, в число уволенных в сводке не вошли, и данных по округам на них не имеется. Во-вторых, в число уволенных в 1938 г. не вошли 2907 чел. политсостава в связи с отсутствием данных о них по округам. В-третьих, в силу изменений в дислокации частей по округам данные, привязанные к округам, являются приблизительными²⁵.

Данные факторы вполне логичны и понятны, как и некоторая относительность результатов в распределении по округам, попытки «подловить» здесь источник на занижении данных по округам и делать отсюда вывод об общей ненадежности источника и сильной заниженности в нем цифр представляется крайне некорректным.

2 марта 1939 г. в справке приводятся данные по уволенным из РККА в 1934–1936 гг. (очевидно, для сравнения с данными по 1937 и 1938 гг.): в 1934 г. уволено 6596, в 1935 г. — 8560, в 1936 г. — 4918 чел. В июне 1939 г. эти данные получают некоторую корректировку — за 1935 и 1936 гг. данные сохраняются, за 1934 г. они увеличиваются до 7114 чел. (на 518 чел.) и добавляются данные за 1933 г. — 9642 уволенных²⁶. Справка 1940 г. тоже дополнительно содержит данные по уволенным за 1935 и 1936 гг.: по 1935 г. количество уволенных снижается до 6198 чел. (меньше на 2362 чел.), а за 1936 г. повышается до 5677 чел. (больше 759 чел.)²⁷.

Среднее значение по уволенным за период 1933–1936 гг. получается от 6,7 до 6,9 тыс. чел. в год. Таким образом, количество уволенных в 1937 г. превышает среднюю цифру на 11,7–12,0 тыс. чел., а в 1938 г. — 13,6–13,8 тыс. военнотрудовых командного состава. Эта разница приблизительно соответствует для 1937 г. количеству уволенных по политическим мотивам, а для 1938 г. — сумме уволенных по политическим мотивам и арестованных. Это дополнительно демонстрирует цифры репрессированных и предельное количество военнотрудовых, которые могли быть расстреляны.

Существующие цифры дают возможность дополнительных рассуждений. Так, за три года — 1937–1939 гг. — средняя убыль по естественным причинам (1941 + 941 + 1878) составила 1587 чел. За тот же период за алкоголизм, хи-

щения и дисциплинарные нарушения (дисциплинарные статьи) в год в среднем увольнялось 1331 чел. (1139 + 2671 + 238). Причем данные за 1939 г. сильно выбиваются из общего ряда, что, скорее всего, связано с целенаправленным снижением числа уволенных по этой статье в этом году. Если брать за основу 1937 и 1938 гг., то средняя убыль по этой статье составит 1878 чел. Поэтому можно констатировать, что за алкоголизм, хищения и дисциплинарные нарушения в год из РККА увольняли в диапазоне от 1331 до 1878 командиров. Таким образом, по естественной убыли и по дисциплинарным статьям ежегодно Красная армия теряла в среднем до 3 тыс. чел. Если мы сравним эти произведенные нами цифры со средним значением по увольнению из рядов РККА за период 1933–1936 гг. — от 6,7 до 6,9 тыс. чел., — то получим «излишек» в 3,7–3,9 тыс. Репрессии в эти годы не проводились (по крайней мере, в какой-нибудь значительной степени, чтоб отразиться хоть в каких-нибудь источниках), значит, возможны три логических варианта: 1) уровень естественной убыли и уволенных по дисциплинарным статьям был в эти годы выше; 2) существовала убыль по другим причинам (но не политическим и расстрельным), — тогда это снижает количество, относимое нами к расстрелянным в 1937–1938 гг.; 3) сумма первого и второго вариантов. В принципе, для 1933–1935 гг. высокая естественная убыль — ~7–9,6 тыс. в сравнении с ~5 тыс. в 1936 г. — вполне объяснима: могли сказываться последствия голода 1932–1933 гг. и стремление отправить в запас большее количество возрастных командиров в связи с начавшейся реформой в армии. Однако если эта разница не целиком определялась указанными факторами, то это будет свидетельствовать больше в пользу того, что цифры по расстрелянным должны скорее рассматриваться на понижение, чем к максимальной планке, которую мы обозначили.

Так, из арестованных — от 9506 до 9900 — восстановлено всего 1461 чел. (14,75–15,37%), из уволенных по политическим мотивам — от 18822 до 19445 чел. — восстановлено 9121 чел.²⁸ (46,9–48,46%). Если «излишек» 1933–1936 гг. относился частично и к «арестованным», то мы получаем подтверждение, что не все арестованные в 1937 и 1938 гг. шли по политическим статьям и должны быть причислены к репрессированным.

Эти те цифры, которые дает нам исторический источник, однако когда дело касается интерпретации этих данных исследователями и простыми обывателями, то мы сталкиваемся с серьезными колебаниями в утверждениях о количестве расстрелянных. Если в представлении исследователя и обывателя «кровавый Сталинский режим», то берутся не только предельные цифры, например всех уволенных из рядов РККА, но еще и умножаются на два или три с мотивировкой, что источник того времени не мог дать честные цифры. Обосновать коэффициент умножения в принципе невозможно — это всего лишь результат субъективных желаний. Почему тогда не пять, семь, десять и т. д.? Умозрительно устанавливается (опять же из изначальных представлений о действительности), что больше 100 тыс. репрессированных командиров²⁹ — это уже перебор (не увязывается с общим количеством командного состава РККА).

Здесь мы имеем дело с верой в определенную реальность, однако вера не имеет отношения к науке, которая оперирует фактами, логикой и методами

исследования. Другими источниками мы все равно не обладаем, поэтому подход «источник полностью врет» никак не ведет нас к достижению исторических знаний. Источник изначально обладает презумпцией невиновности в данном аспекте, а что касается данного статистического материала, то его анализ позволяет сделать логическое заключение о его достоверности и достаточной точности.

Что мы можем констатировать в сухом остатке? С точки зрения научного исторического анализа указанных источников можно заключить следующее. В период 1937–1938 гг. наблюдался пик революционных репрессий по отношению к командному составу РККА. Это время руководства НКВД Н. И. Ежовым (с начала 1937 г. по конец ноября 1938 г.). С самого начала 1939 г. эта репрессивная волна прекратилась. В результате такой чистки пострадало до 30 тыс. человек, 11 тыс. из которых были оправданы и возвращены в РККА. До 18 тыс. командиров РККА могли быть расстреляны. Уточнить эту цифру не представляется возможным при современном состоянии источниковой базы. На основании ряда рассуждений можно предположить, что реальное количество расстрелянных должно рассматриваться ниже этой максимальной планки.

Эти данные не включают ВВС. За 1937–1939 гг. из ВВС было уволено 5616 командиров³⁰. Определить, по каким причинам и сколько из них было расстреляно, не представляется возможным. Исходя из представлений о действительности, авторы заносят их всех в расстрелянные (или в формулировке «большинство» и «подавляющее большинство») или исключают эти цифры из расчетов.

Итак, речь идет о 20 тыс. репрессированных командирах Красной армии. Много это или мало? Безусловно, любые потери — это много. Но можно ли вести речь о том, что такая цифра репрессированных критическим образом сказалась на качестве РККА?

Возьмем для сравнения данные по потерям командного состава РККА в первые месяцы войны. Потери командного состава РККА за третий квартал 1941 г. составили 142 тыс., за четвертый квартал — 61 тыс., а всего за начальный период войны — 203 тыс. командиров. В 1942 г. эти потери составили 255 тыс. командиров³¹.

То есть в первые месяцы войны РККА потеряло в десять раз больше командного состава, чем в числе репрессированных. При этом потери первых месяцев войны при всей их трагичности и критичности для армии не помешали РККА разбить вермахт под Москвой. Вермахт за полгода боев потерял около 20 тыс. офицеров, и это были существенные потери³², но они не помешали вести в 1942 г. успешные операции и дойти до Волги.

Возьмем для сравнения и другие цифры. В ходе так называемых репрессий РККА потеряло 434 человека в звании комбригов и выше³³. После поражений зимой 1941–1942 гг. Гитлер снял с должностей 185 генералов³⁴. Причем это 185 генералов, обеспечивших победы первых месяцев войны, и другие генералы обеспечивали победы вермахта 1942 г.

Вопрос, который будет возникать постоянно: как и чем измерить, что Тухачевский, Якир и Уборевич лучше как полководцы, чем Тимошенко? Или

другой генерал и маршал РККА? Сравнительный анализ возможен с теми, чьи полководческие таланты можно оценить реальными боевыми действиями, желательно в условиях одной и той же войны (войны одинакового типа). Нет сомнений в талантах Жукова, Рокоссовского, Василевского, Конева, Ватутина, Черняховского, Чуйкова и ряда других полководцев — мы имеем наглядную историческую демонстрацию их талантов. Как большой полководец Тимошенко действительно не состоялся в годы Великой Отечественной войны, но смогли бы состояться в ней Тухачевский, Якир и Уборевич — большой вопрос. Многие подававшие до войны надежды военачальники испытывали серьезные трудности в ее ходе (например, Мерецков, Малиновский, Еременко).

В ходу множества мемуаров, в общественной мысли и медийном пространстве эмоциональный подход, а не научный: жертвами репрессий стали «люди, которые создали Красную Армию, привели ее к победе в Гражданской войне и превратили в лучшую армию Европы»³⁵. Во-первых, в 1937 г. (год начала репрессий в армии) Красную армию лучшей в Европе вряд ли кто-то считал. Во-вторых, победа в Гражданской войне никак не гарантирует победу в другой войне. В данном случае скорее даже наоборот: стратегия и тактика Гражданской войны сильно отличались и уступали в развитии теоретической военной мысли даже Первой мировой.

Показательны методы работы с источником на примере характеристики С. К. Тимошенко. Берется высказывание И. Э. Якира из мемуаров И. В. Дубинского³⁶ о Тимошенко и автоматически признается отражающим действительность³⁷. То есть высказывание, приписываемое Якиру другим человеком в своих мемуарах, написанных через полвека после событий. Сколько здесь от Якира и сколько от Дубинского? Даже если фраза о Тимошенко-исполнителе, но не мыслителе принадлежит Якиру, то почему эта оценка принимается на веру без проверки на других источниках? Два деятеля в одной конкурентной среде, где один высказывается о другом. В 1955 г. появились нелестные высказывания о Г. К. Жукове; должны ли мы перенести их на образ маршала Победы или все-таки соотнести с другими высказываниями, а еще лучше — с данными других источников, характеризующих деятельность и характер этого полководца и человека? Что касается Тимошенко, то в 1940 г. он ставился на должность вместо Ворошилова с организационными функциями, ожиданиями наведения порядка в армии, реформы системы подготовки и т. д., а не полководческих свершений. И по различным данным, Тимошенко с этой задачей справился³⁸.

А вот мемуары И. С. Конева: «Когда берут эту проблему отторженно и педантируют на ней, изображая дело так, что если бы эти десять, двенадцать, пять или семь человек не были бы оклеветаны и не погибли бы в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах, а были бы во главе армии к началу войны, то вся война выглядела бы по-другому, — это преувеличение»³⁹. (Примечательны оценки И. С. Конева полководческих способностей Блюхера, Тухачевского, Якира, Егорова, Корка⁴⁰.)

Тема репрессий и их влияния на состояние РККА берет начало с выступлений Г. К. Жукова и Н. С. Хрущева в период борьбы за власть во второй половине 1950-х гг., где утверждалось, что кадры не были готовы к войне, так как

были истреблены в репрессиях 1937–1939 гг.⁴¹ При этом и Хрущев, и Жуков не могли не признавать высокий уровень командного состава, так как это они оставили блицкриг и разбили вермахт под Москвой, а затем под Сталинградом и на Курской дуге.

Примечательно, что как доказательство влияния репрессий на качество РККА приводят слова немецкого генерала Э. Кестринга⁴², который в августе 1938 г. давал прогноз о предстоящем падении уровня подготовки РККА в связи с репрессиями опытного комсостава. Следует отметить, что каким бы специалистом по России Кестринг ни был, это не делает его выводы более объективными и обязательными к принятию на веру. Тем более что Кестринг прогнозирует будущее падение качества обучения войск в связи с убылью комсостава, что логично для любой армии; это не следствие его необычайной осведомленности, а обычная логика. Далее Кестринг пишет в Берлин, что уже ощущается боязнь принятия ответственности в решениях, неуверенность у командиров, их запуганность. Где и как мог получить такой опыт Кестринг? Учитывая ограниченность возможностей представителя немецкого посольства в передвижениях, общении, тем более если это связано с оборонной сферой, его сведения могли быть почерпнуты из данных агентуры и некоторого собственного общения. Агент, как и любой свидетель, видит достаточно специфически, а чаще — в заданном русле, так что получаемые таким путем сведения носят крайне специфический характер. Сведения, потенциально возможные от лиц военной сферы, вообще могли быть только крайне ограниченными и изначально с заданным вектором и содержанием.

Кроме того, следует определиться: военачальники Гражданской войны — это плохо для Красной армии или хорошо? В июне 1937 г. немецкая пресса писала, что главная заслуга Тухачевского в реформе РККА — это отстранение командиров Гражданской войны, что подняло уровень образования и способностей офицеров, с точки зрения немцев⁴³. В период репрессий пострадали как раз больше всего участники Гражданской войны — т.е. их стало еще меньше в РККА; по такой логике, в Красную армию пришли новые кадры без ретроградных взглядов, с новым образованием. Это к вопросу об использовании источников, их субъективности и обязательном критическом анализе при их использовании.

А вот что писал в своем докладе Гитлеру, например, советник посольства Германии в СССР Густав Хильгер: «Огромные чистки 1936–1938 гг., жертвами которых пали до 80 % высших военачальников Красной Армии, хотя и значительно ослабили военную мощь Советского Союза, но отнюдь не уничтожили ее. Я обрисовал смысл и значение той борьбы за власть, которая шла между Сталиным и оппозиционными течениями, и рассказал, какой идеологический балласт Сталин выбросил за борт, когда ему стало ясно, что на базе одной лишь коммунистической доктрины здорового и способного противостоять всем государственного организма не создать. Имея в виду усилия Сталина заменить революционный энтузиазм новым советским патриотизмом, я упомянул об оживлении возвеличивания национальных героев, старых русских традиций, о недавних мерах по поощрению семейной жизни, о введении вновь строгой дисциплины

в армии, на промышленных предприятиях и в школах, а также о борьбе с экспериментами в области театра, музыки и изобразительных искусств»⁴⁴.

Генштаб Германии перед войной признавал серьезные качественные изменения в РККА и в подготовке командного состава⁴⁵.

Проблемы РККА при Тухачевском и в период 1937–1940 гг. оставались примерно одинаковыми: подготовка кадров, дисциплина, освоение нового оружия, взаимодействие родов войск⁴⁶. Так, например, что при Тухачевском, что при Ворошилове за алкоголизм, хищения и дисциплинарные нарушения в год из РККА увольняли в диапазоне от 1331 до 1878 командиров⁴⁷. Ситуация «пошла на поправку» с Тимошенко.

Советская мемуарная литература с 1960-х гг. начинает изображать моральный надлом офицерского корпуса СССР после 1937 г., безынициативность, исчезновение «интеллектуальной атмосферы в армии, вызванное приходом к высшему руководству воинствующих бездарностей»⁴⁸. При этом подчеркивалось, что «среднего офицерства сталинский террор коснулся очень выборочно, младшие офицеры его просто не почувствовали»⁴⁹. В мемуарах как под копирку пишется об уроне из-за репрессий, о том, что командиры не имели опыта, и при этом описываются опытные командиры. Главная претензия всех генералов-мемуаристов на самом деле к среднему и низовому комсоставу, но их-то как раз репрессии практически не коснулись.

Атмосфере задавленности и безынициативности в РККА противоречат многие источники: протоколы заседаний Главного военного совета РККА за 1939–1941 гг., совещание при ЦК по итогам Зимней войны, совещание высшего командного состава в период с 23 по 31 декабря 1940 г., совещание по штабным играм 1940 г.⁵⁰

Через сито репрессий прошли генералы Рокоссовский, Горбатов, Мерецков, Голованов (впоследствии маршал дальней авиации). Это точно не безынициативные и испуганные командиры.

Быстрый карьерный рост при этом был связан не с репрессиями, а с колоссальным ростом РККА. С 1937 по 1939 г. РККА выросла количественно в два раза (с 1,5 до 3,2 млн), а с 1939-го к началу 1941 г. — в 2,9 раза, достигнув 5,4 млн чел.⁵¹

Кроме того, исследователи справедливо отмечают, что недокомплект офицерским составом в РККА был скорее искусственным и связан с завышенным количеством штатных должностей. РККА действительно в сравнении с другими армиями была самой насыщенной по начсоставу. Так, в 1939 г. на одного командира РККА приходилось шесть рядовых, а в Вермахте — 29, в армии Британии — 15, во французской армии — 22, японской — 19⁵². Частично таким путем решалась проблема нехватки «унтер-офицерского корпуса», функции которого выполнял средний комсостав.

То, что состав командования молодой и ему не хватает опыта современной войны, на своих новых высоких позициях в руководстве страны и армии прекрасно понимали. При этом должности командующих округами и армиями были на 100 % укомплектованы генералами, имевшими боевой опыт, а 70 % из них имели за плечами высшие военно-учебные заведения⁵³. Средний возраст этих

генералов в 1941 г. составлял от 38 до 45 лет, что являлось скорее преимуществом Красной армии.

Сроки пребывания в должностях командиров высшего звена РККА представляют следующую картину. До 6 мес. в своей должности пребывали: командующие военных округов — 40 % состава, командующие армиями — 65 %, командиры корпусов и командиры дивизий — 49,5 %, командиры авиакорпусов и авиадивизий — почти 100 % состава⁵⁴.

О чем говорят эти цифры? О строительстве в Красной армии. О ее колоссальном росте за четыре предвоенных года, росте командного состава и перестановках в этом командном составе после конфликта на Халхин-Голе, польского похода и Зимней войны с Финляндией. Конечно, длительный опыт командования на одном уровне — это серьезный положительный опыт, но в условиях растущей армии — показатель невостребованности.

Г. К. Жуков занимал должность командующего армией менее месяца, когда начал наносить поражения японской армии в конфликте на Халхин-Голе. Командующим фронтом он был 1,5 месяца, когда провел сверхуспешную Ельнинскую операцию, затем возглавил оборону Ленинграда и стал одним из творцов победы под Москвой (это все укладывается в полугодовой опыт командования определенного уровня, здесь — фронтом). Несколько дней в должности командующего армией не помешали К. К. Рокоссовскому организовать успешную оборону и деблокаду окруженных под Смоленском частей, а имея трехмесячный опыт командарма, — отличиться в битве за Москву. В битве под Москвой, где И. С. Конев стал одним из героев, опыт командования фронтом у него насчитывал до трех месяцев. А. М. Василевский к началу битвы за Москву (где сыграл одну из ключевых ролей) имел ровно месяц опыта в должности замначальника Генштаба. Н. Ф. Ватутин к 14 июля 1942 г., когда вступил в должность командующего Воронежским фронтом (и обеспечил вермахту напряженнейшие бои), имел исключительно опыт штабной работы и никогда не командовал фронтом.

Итак, репрессии вряд ли оказали существенное влияние на боеспособность РККА в 1941 г. Уже в первые месяцы войны РККА потеряла в десять раз больше командиров. Недокомплект офицерским составом был скорее связан с завышенным количеством штатных должностей. На РККА сказывалась именно нехватка низового и среднего командирского состава, не затронутого репрессиями в армии. Высшие командные должности в РККА перед войной занимали на 100 % генералы с боевым опытом, почти две трети из которых имели за плечами высшие военно-учебные заведения. Средний молодой возраст этих генералов в 1941 г. (от 38 до 45 лет) признавался скорее преимуществом Красной армии. Небольшие сроки пребывания в должностях командиров высшего звена РККА являются последствием колоссального роста РККА за четыре предвоенных года. При этом недостаток опыта не стал препятствием в успешном управлении в известных примерах выдающихся полководцев Великой Отечественной. Процесс этот был объективным и вряд ли мог бы пройти иначе. К тому же вряд ли бы более длительный срок руководства что-то принципиально мог изменить в результатах, так как ни

действующие командиры, ни репрессированные не имели опыта новой войны. Талантливые полководцы и военачальники обучались в ходе войны быстрее, менее талантливые — дольше. Но иного пути обучения не существовало.

Поиск причин поражений первых месяцев войны в ошибках руководства страны и армии и репрессиях может стать уходом от решения проблемы. Во французской и польской армиях, считавшихся сильнейшими в Европе, не было репрессий, командный состав там не считали «безынициативным» и «подавленным», однако они подверглись такому же разгрому, как и РККА в первые месяцы войны. Подобный подход напоминает поиск устраивающих ответов, которые обусловлены политической конъюнктурой, позицией автора, особенностями социальной психологии.

¹ Шульц Э. Э.: 1) Стереотипные образы Великой Отечественной войны: механизированные корпуса // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 4 (29). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-4-00-00>; 2) Стереотипные образы Великой отечественной войны: проблемы восприятия начала Второй мировой войны // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 71–74; Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia // Linguistics and Culture Review. 2021. № 5 (S3). <https://doi.org/10.21744/lingcure.v5nS3.1830>

² Короленков А. В. Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечественная история. 2005. № 2. С. 154.

³ См.: Короленков А. В. Еще раз о репрессиях... С. 155–158, 160; Glantz D. M. Stumbling Kolossus. The Red Army on the Eve of World War. Lawrence, 1998. P. 26–33.

⁴ Короленков А. В. Еще раз о репрессиях... С. 157–160; Мильбах В. С., Габитов А. Ф. Масовые политические репрессии в Красной армии в 1937–1938 гг. // Актуальные вопросы изучения истории формирования и развития РККА и РККФ: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2018. С. 21–28.

⁵ Палитру мнений о репрессиях в РККА см.: Мельтюхов М. И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 109–121; Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. М., 2003; Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 1–19.

⁶ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 5–7.

⁷ Там же. Л. 8–11.

⁸ Там же. Л. 12.

⁹ Там же. Л. 271.

¹⁰ Там же. Л. 273.

¹¹ Там же. Д. 890. Л. 4–7.

¹² Там же. Д. 749. Л. 171–173.

¹³ Там же. Л. 5–7.

¹⁴ Там же. Л. 8–11.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Цифры по уволенным на 111 меньше в 1937 г. и на 376 меньше в 1938 г.

¹⁷ РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 271.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 890. Л. 4–7.

²⁰ Там же. Д. 749. Л. 271; Д. 890. Л. 4–7; Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1997. С. 114; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: документы и материалы. М., 2008. С. 548–551.

²¹ Там же.

- ²² Пояснение начальника 6-го отдела УНКС полковника Ширияева: «Восстановление в РККА уволенных производится, главным образом, за счет уволенных по политическим мотивам и арестованных, в связи с восстановлением их в партии, освобождения из-под ареста и полной реабилитации» (РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 271; Военно-исторический архив. С. 114).
- ²³ РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 271; Ф. 37837. Оп. 18. Д. 890. Л. 4–7; Военно-исторический архив. С. 114; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. С. 548–551. Данные справки 1939 г. даются на 1 июня 1939 г. и составляют 5570 чел.
- ²⁴ Там же. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 273.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 270.
- ²⁷ Там же. Д. 890. Л. 4; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР... С. 548.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Рапопорт В., Алексеев Ю. Измена Родине: очерки по истории Красной Армии. London, 1988. С. 289, 291, 407–415, 417–437.
- ³⁰ Воздушная мощь Родины / под ред. Л. Л. Батехина. М., 1988. С. 148.
- ³¹ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 238.
- ³² Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: военный дневник: ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1941–1942 гг. Смоленск, 2001. С. 527, 574, 591.
- ³³ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА... С. 315.
- ³⁴ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда... С. 566.
- ³⁵ Рапопорт В., Алексеев Ю. Измена Родине... С. 7.
- ³⁶ Дубинский И. В. Особый счет. М., 1989. С. 145.
- ³⁷ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА... С. 324.
- ³⁸ Свидетельства современников, статистика снижения дисциплинарных нарушений и аварийности в РККА, перевооружения армии. Положительные отзывы современных военачальников о Тимошенко см.: Баграмян И. Х. Так начиналась война. Киев, 1988. С. 11.
- ³⁹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. М., 2000. С. 507.
- ⁴⁰ Там же. С. 507–508.
- ⁴¹ Выступление Н. С. Хрущева на собрании партийного актива Центральных управлений Министерства обороны, Московского военного округа, Московского округа ПВО, 22 октября 1957 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2001. С. 191; Проект выступления Г. К. Жукова на Пленуме ЦК КПСС [не позднее 19 мая 1956 г.] // Георгий Жуков... С. 138.
- ⁴² Черушев Н. Из ГУЛАГа — в бой. М., 2006. С. 480.
- ⁴³ «Новое лицо Красной армии» — статья из немецкого журнала «Wehrfront» (№ 24) // Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. С. 513–516.
- ⁴⁴ Хильгер Г. Я присутствовал при этом // Откровения и признания: нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 57.
- ⁴⁵ Из доклада о политико-моральной устойчивости Советского Союза и боевой мощи Красной армии отдела иностранных армий Востока Генштаба сухопутных войск Вермахта, 1 января 1941 г. // 1941. Документы и материалы: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: в 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 49–50.
- ⁴⁶ Исследование этого вопроса см.: Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М., 2011. С. 321–372.
- ⁴⁷ Подсчеты на основании: РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 271; Д. 890. Л. 4–7; Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1997. С. 114; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР... С. 548–551. Данные справки 1939 г. даются на 1 июня 1939 г. и составляют 5570 чел.
- ⁴⁸ Танковая война на Восточном фронте. Бронетанковая техника в советской и германской армиях // Попель Н. В тяжкую пору. М.; СПб., 2002. С. 463.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: документы и материалы. М., 2004. См. также: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 193–195, 242; Казаков М. И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 57–61.
- ⁵¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7: Экономика и оружие войны. Изд. доп. и испр. М., 2013. С. 16; Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова в Полит-

бюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и в СНК СССР В. М. Молотову об основах реорганизации Красной Армии № 81306 сс/ов. 15 ноября 1939 г. // Главный военный совет РККА. С. 449–452; Протокол № 2 заседания ГВС РККА 7 июня 1939 г. // Там же. С. 254; Протокол № 6 заседания ГВС РККА 21 ноября 1939 г. // Там же. С. 272, 284–286; Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР «О военно-воздушных силах Красной армии», 05 ноября 1940 г. // 1941. Документы и материалы... С. 188; Записка наркома обороны СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и СНК СССР В. М. Молотову, 9 мая 1940 г. // 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 615.

⁵² См.: *Мельтюхов М. И.* Репрессии в Красной Армии... С. 114.

⁵³ История Второй Мировой войны. 1939–1945: в 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 418.

⁵⁴ См., например: Россия и СССР в войнах XX века... С. 203.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2022 г.

Рекомендована к печати 10 октября 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: расстрелянный командный состав РККА // *Новейшая история России.* 2024. Т. 14, № 1. С. 59–72.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.104>

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы готовности РККА к войне с точки зрения кадров командного состава. Проблема современного восприятия образов Великой Отечественной войны имеет множество граней и безусловную актуальность как для общественной мысли, так и для науки. Одним из главных стереотипов о Великой Отечественной войне, запущенным в середине 1950-х гг. и являющимся, пожалуй, самым живучим и влияющим как на общественную мысль, так и на научные поиски и рассуждения, стала идея о проблемах РККА в первые годы войны в связи с уничтоженным командным составом армии. Проблема качества командного состава на 22 июня 1941 г. увязывается с репрессиями в РККА 1937–1939 гг., уничтожившими цвет армии, низким уровнем выросшего командного состава и его небольшим опытом. Автор рассматривает цифры репрессий в РККА 1937–1939 гг., потерь среди командного состава РККА в первые месяцы войны, немецкие потери, реальность корреляции потерь и возможностей РККА, анализирует исторические источники и критикует однобокий подбор в поддержку готового мнения, наиболее популярного в общественном сознании. Автор приходит к выводу, что репрессии вряд ли оказали существенное влияние на боеспособность РККА в 1941 г. В пользу таких выводов говорят потери РККА и вермахта в первые полгода войны, уровень генералитета РККА и данные по низовому и среднему командирскому составу.

Ключевые слова: образы, СССР, Великая Отечественная война, современная общественная мысль, репрессии, РККА.

Автор: Шульц Э. Э. — канд. ист. наук, доц., Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия); nuar1@yandex.ru

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38

FOR CITATION

Shults E. E. 'Stereotypical Images of the Great Patriotic War: Repressed Commanders of the Red Army', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 1, 2024, pp. 59–72.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.104> (In Russian)

Abstract: The article is devoted to the analysis of the problem of readiness of the Red Army for war from the point of view of personnel of the command staff. The problem of contemporary perception of images of the Great Patriotic War has many facets and unconditional relevance, both for public thought and for science. One of the main stereotypes about the Great Patriotic War, launched in the mid-1950s and which is perhaps the most tenacious

and influential both on public thought and on scientific searches and reasoning, was the idea of the problems of the Red Army in the early years of the war in connection with the destroyed command staff of the army. The problem of the quality of command personnel as of June 22, 1941 is linked to the repressions in the Red Army of 1937–39, which destroyed the color of the army, the low level of the grown command staff and the small experience of this new command staff. These problems and their possible impact on the combat capability of the Red Army are analyzed in this article. The author considers the figures of repression in the Red Army 1937–39, losses among the command staff of the Red Army in the first months of the war, German losses, the reality of the correlation of losses and capabilities of the Red Army, analyzes historical sources and criticizes one-sided selection in support of ready-made opinion, the most popular in public consciousness. In favor of such conclusions are the losses of the Red Army and the Wehrmacht in the first six months of the war, the level of generals of the Red Army and data on the grassroots and medium command personnel.

Keywords: images, USSR, Great Patriotic War, modern public thought, repressions, Red Army.

Author: Shults E. E. — PhD in History, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia); nuap1@yandex.ru

Moscow State Linguistic University, 38, ul. Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

References:

- Air power of the Motherland*, ed. by L. L. Batekhin (Moscow, 1988). (In Russian)
- Bagramyan I. Kh. *This is how the war began* (Kyiv, 1988). (In Russian)
- Cherushnev N. *From the Gulag — into battle* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Dubinsky I. V. *Special account* (Moscow, 1989). (In Russian)
- Glantz D. M. *Stumbling Kolossus. The Red Army on the Eve of World War* (Lawrence, 1998).
- Halder F. *From Brest to Stalingrad: Military diary. Daily records of the Chief of the General Staff of the Ground Forces 1941–1942* (Smolensk, 2001). (In Russian)
- Hilger G. I was present at this, *Revelations and confessions: The Nazi elite about the war of the “third Reich” against the USSR: Secret speeches. Diaries. Memoirs* (Moscow, 1996). (In Russian)
- Kazakov M. I. *Over the map of past battles* (Moscow, 1971). (In Russian)
- Konev I. S. *Notes of the front commander* (Moscow, 2000). (In Russian)
- Korolenkov A. V. ‘Once again about the repressions in the Red Army in the pre-war years’, *Otechestvennaia istoriia*, no. 2, 2005. (In Russian)
- Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. ‘Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia’, *Linguistics and Culture Review*, no. 5 (53), 2021. <https://doi.org/10.21744/lingcure.v5nS3.1830>
- Meltyukhov M. I. ‘Repression in the Red Army: the results of the latest research’, *Otechestvennaia istoriia*, no. 5, 1997. (In Russian)
- Milbakh B. C., Gabitov A. F. ‘Mass political repression in the Red Army in 1937–1938’ in *Aktual’nye voprosy izucheniia istorii formirovaniia i razvitiia RKKA i RKKF. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Pechenkin A. A. *Military elite of the USSR 1935–1939: Repression and renewal* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Popel N. *In difficult times* (Moscow, St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Rapoport V., Alekseev Yu. *Treason to the Motherland. Essays on the history of the Red Army* (London, 1988). (In Russian)
- Smirnov A. A. *Crash 1941 — repression has nothing to do with it! Did Stalin “behead” the Red Army?* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Souvenirov O. F. *Tragedy of the Red Army 1937–1938* (Moscow, 1998). (In Russian)
- Shults E. E. ‘Stereotypical images of the Great Patriotic War: problems of perception of the outbreak of World War II’, *Vlast’*, vol. 29, no. 6, 2021. (In Russian)
- Shults E. E. ‘Stereotypical images of World War II: mechanized corps’, *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, no. 4 (29), 2021. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-4-00-00> (In Russian)
- Zhukov G. K. *Memories and reflections* (Moscow, 1969). (In Russian)

Received: September 25, 2022

Accepted: October 10, 2023